

КАЗУС

Индивидуальное
и уникальное в истории

2018

Альманах основан
Юрием Бессмертным

Под редакцией
Ольги Тогоевой
и Игоря Данилевского
при участии Ольги Кошелевой

Ответственный секретарь
Юлия Крылова

МОСКВА 2018

УДК 930

ББК 63

К14

Издание основано в 1996 году

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г.А. Попова
кандидат исторических наук К.А. Левинсон

В оформлении выпуска использована
гравюра Джованни Баттисты Пиранези
«Мост Св. Ангела и замок Св. Ангела»,
середина XVIII в.

Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2018. Вып. 13 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского, при участии О.Е. Кошелевой; Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2018. – 352 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-505-4

Тринадцатый выпуск альманаха посвящен феномену обмана и его роли в отношениях между людьми, живших в различные эпохи, в разных странах и принадлежавших к совершенно различным социальным стратам общества. В статьях первого раздела внимание уделено вполне традиционному для данной тематики сюжету – историям самозванцев. Авторов, однако, интересуют не только те, кто пытался узурпировать власть и престол, но и самые рядовые обыватели, волею судеб вынужденные примерить чужую личину, а также персонажи, и вовсе придуманные историками и оказавшиеся, тем не менее, весьма существенное влияние на последующее развитие наших знаний о прошлом. Во втором разделе речь также идет о выдумках и подлогах, только на этот раз – в сфере потестарной имагологии, символов личного и общественного значения, геральдических знаков и знаков отличия, задуманных и созданных «с чистого листа» или с использованием предшествующей традиции, но в любом случае ранее не существовавших. В статьях третьего раздела альманаха рассматривается проблема обмана применительно уже к самим историческим источникам и ставится вопрос, по каким причинам те или иные авторы эпохи Средневековья, Нового и даже Новейшего времени включали в свои сочинения заведомо ложную информацию или ее искаженную интерпретацию и что они таким образом желали сообщить своим читателям. Данный сюжет продолжает развиваться и в заключительном разделе выпуска, однако здесь внимание уделено уже полностью поддельным текстам и документам, которые могли оказать и в действительности оказали самое существенное влияние на судьбу их авторов или владельцев.

Для историков, культурологов, литературоведов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91674-505-4
ISSN 2306-0638

© Коллектив авторов, 2018
© Институт всеобщей истории РАН, 2018
© Издательство «Индрик», 2018

Содержание

Contents

От редакции

9

From the Editorial Board

Фальшивые люди

False people

Анна Герштейн

Фальшивый император на Рейне:
казус из социально-политической
истории Германии конца XIII в.

17

Anna Gerstein

The false emperor on the Rhine-area:
one case of socio-political history
of the late 13th-century Germany

Елена Браун

«Он так долго обманывал мир...».
Самозваный принц
Перкин Уорбек

37

Elena Braun

"He so long space abusyng the worlde...".
The self-proclaimed prince
Perkin Warbeck

Ольга Тогоева

История Маргариты Ле Петур,
которая никого не любила,
но все-таки вышла замуж

55

Olga Togoeva

A story of Margarite Le Paistour
who loved nobody
but yet got married

Николаос Хриссидис

Слава «самого ловкого и искусного
тайного сборщика». Афонский
иеромонах Иван (Иоаким) Кузов
и его поездка в Россию в 1879 г.

78

Nikolaos Chrissidis

The craftiest of speculators:
The Athonite hieromonk
Ivan/Ioakim Kuzov
and his trip to Russia in 1879

Ольга Окунева

Запутанная история
капитана Гоннивиля, индейца
Эссомерика и «плавания длиной
двадцать лун»

101

Olga Okuneva

Captain Gonnevile,
an Indian Essomericq
and a "twenty moons journey":
a tangled history

Игорь Данилевский

«Я сам обманываться рад!»

116

Igor Danilevsky

I'd be glad to be deceived myself!

Игра в символы

Game of symbols

Александр Черных

Орёл и мавр герба

Габриэла Гонсалвеша

133

Alexander Tchernik

Eagle and Moor in the coat of arms
of Gabriel Gonçalves

Юлия Игина

Габсбургский дракон, или Загадка
нашлемника Белого короля

Федюкин Игорь, Эрнест Зицер
«За Любовь и Отечество».

Придворная политика
и происхождение первого
российского дамского ордена

Андрей Митрофанов
«Война кокард».

Эмблема и народное воображение
революционной Франции

Обманутые читатели

Вера Потопаева

История аббата из Друменаха,
который превратился в женщину:
магия, сатира или юридический казус?

Елена Марей

«Разоблачение» Авиценны:
история арабского философа
глазами средневекового хрониста

Албена Стаменова,

Игорь Данилевский

Нарисовал на бересте
и подписал в уголке...

Светлана Лучицкая

«Естество подлинного обмана...»:
Изображение пророка ислама
в религиозном памфлете
конца XVII в.

Подложные тексты

Андрей Исеров

Съезд революционеров,
которого не было:

Франсиско де Миранда
(1750–1816) и «Парижский акт»
22 декабря 1797 г.

Yulia Igina

Habsburg dragon or The enigma
of White king crest

Igor Fedyukin, Ernst Zitser
“For Love and Fatherland”;
early Modern patronage politics
and the origins of Russia’s first
female order of chivalry

Andrey Mitrofanov
“War of cockardes”.
Emblem and national imagination
of revolutionary France

Deceived readers

Vera Potopaeva

The story of the abbot of Druimenach,
who was changed into a woman:
magic, satire or legal case?

Elena Marey
Avicenna’s “unmasking”:
a story of Arabian philosopher
according to medieval chronicler

Albena Stamenova,

Igor Danilevsky

Painted on the birch bark
and signed in the corner...

Svetlana Luchitskaya

The true nature of imposture:
the image of the prophet of Islam
in the religious pamphlet
of the late 17th century

False texts

Andrey Iserov

The Revolutionary meeting
which was a hoax:

Francisco de Miranda
(1750–1816) and the *Acta de Paris*
of December 22, 1797

<i>Андрей Горностаев</i> Билет в новую жизнь, или О том, как якобы вернуться из-за рубежа	308	<i>Andrey Gornostaev</i> A ticket into a new life or How to allegedly return from abroad
<i>Ольга Кошелева</i> Ужасы Французской революции, или Об опасностях сочинять поддельные письма	324	<i>Olga Kosheleva</i> Be horrified by the Great French Revolution or On the danger of composing fake letters
Summaries	341	Summaries
Наши авторы	349	Our authors

БИЛЕТ В НОВУЮ ЖИЗНЬ, ИЛИ О ТОМ, КАК ЯКОБЫ ВЕРНУТЬСЯ ИЗ-ЗА РУБЕЖА¹

308

Основную массу населения Российской империи составляло крестьянство, которое включало в себя множество различных социальных групп. Образ жизни той или иной группы зависел от социальных и экономических факторов, окружающей среды, законодательства и места проживания, будь то в центральных областях, на Волге, Урале или на границе. На интересующем нас западном рубеже ситуация была особенной, т.к. близость соседнего государства влияла на восприятие людьми их социальной реальности. Как же складывалась жизнь крестьян, чьи деревни находились недалеко от границ с Речью Посполитой и Швецией? Как порубежное существование со всеми его проблемами и сложностями отражалось на их поведении и формировании у них легальных и нелегальных практик? Частично ответить на эти вопросы становится возможным благодаря казусу, произошедшему во время правления Екатерины II, когда одно из ее законодательных решений было весьма произвольно истолковано крестьянами в свою пользу для улучшения жизни и социального положения.

Екатерининские амнистии

Пятого декабря 1779 г. «вышедший ис Полши и явшейся собою» беглый рекрут Яков Мешалин подал челобитную в Московский магистрат о записи его в местное мещанство. О себе он рассказал, что раньше работал мастеровым на суконной фабрике. Два года назад он был определен рекрутом в пехотный полк, но вскоре бежал в Польшу, где и жил до своего возвращения². Двадцатого декабря 1779 г. в Московский магистрат обратилась «вышедшая ис Полши и явшейся собою» государственная крестьянка Анна Ильина, также просившая о записи в мещанство за себя и своего малолетнего племянника. За польский рубеж они бежали в 1776 г. после их путешествия в Киев «для богомолия»³.

Как же так получилось, что эти беглые были не арестованы иозвращены на свои прежние места проживания или службы, а смогли подать челобитные об изменении своего социального статуса⁴? Оба наших

героя – и Мешалин, и Ильина – в своих прошениях ссылались на манифест 5 мая 1779 г.⁵, дававший амнистию всем возвращающимся беглым людям и выражавший новый подход Екатерины II к решению проблемы побегов русских крестьян и представителей иных состояний за границу и, в особенности, в Польшу⁶. В течение всего XVIII в. российские правители и дворянство были обеспокоены отходом населения из Новгородской, Смоленской и Киевской губерний и пытались пресечь его различными способами, варьирующимися от наказаний до амнистий⁷. Особенно остро этот вопрос встал во время заседаний Уложенной комиссии 1767 г., когда дворянские депутаты от западных губерний потребовали от правительства решительных мер, утверждая, что количество беглых с их земель, проживающих в Польше, исчисляется уже десятками тысяч⁸.

В XVIII в. для русских крестьян побег в Польшу являлся весьма привлекательным вариантом. Покинув Россию, они освобождались от произвола и самодурства своих помещиков, частных и государственных налогов, а также столь беспокоящей их рекрутской повинности⁹. В целом, причины, заставлявшие наших героев отважиться на подобный шаг, могли быть самыми разными. Несколько крестьян, вернувшихся в Россию по амнистии 1745 г., во время допросов поведали свои истории побегов¹⁰. Так, пятидесятилетний Федот Татаринов рассказал, что «бежал за границу полскую тому будет тридцать один год собою тайною дорогою мимо фарпоста Лесовского … а из Великороссии бежал он от хлебного недорода»¹¹. Федор Масленников «бежал от налоги нижегородского епископа Питирима, а бежал де он заграницу с купеческими людми мимо Двины и города Торопца»¹². Русские крестьяне знали, что в Польше нет рекрутчины и налоги существенно ниже, поэтому неудивительно, что многие устремлялись туда в надежде на лучшую жизнь.

Что же в таком случае привлекло крестьян и других беглых людей в манифесте Екатерины II от 5 мая 1779 г. и заставило-таки их вернуться в Россию? В этом указе государыня обращалась ко всем подданным империи и, в особенности, к низшим воинским чинам, крестьянам и прочим обычевателям, которые «от легкомыслия» своего бежали за рубеж до издания указа, но не были возвращены соседними государствами¹³. Намереваясь «увещевать их к добровольному в Империю Нашу возвращению», она даровала амнистию всем беглецам и прощала все их преступления, кроме убийств, а также предоставила им срок в один год с момента издания указа для переезда обратно (или два для тех, кто жил далеко от границы). Однако, самой экстраординарной мерой стало разрешение всем возвращенцам, независимо от их предыдущего статуса, выбрать иное состояние и образ жизни. Помещичьим крестьянам позволялось вернуться к своим хозяевам, если они того желали, но они также могли записаться в города «в звания и упражнения им пристойные», селиться на новых местах в качестве государственных или дворцовых крестьян с налоговой льготой на шесть лет или вступать в воинскую службу. Во избежание недовольства помещиков императрица обещала зачесть всех возвращенцев за рекрутов¹⁴.

Таким образом, в манифесте 1779 г. Екатерина II предлагала совершенно новаторские меры по возвращению беглых из-за рубежа по сравнению со всеми предыдущими постановлениями. Ее целью было не просто вернуть в

Россию большое число людей, полезных для роста экономического и военного благосостояния государства, но и предоставить им столь редкую возможность социальной мобильности, делая подобное предложение особенно привлекательным. О том, как некоторые русские крестьяне, проживавшие вдоль польской и шведской границы, ухитрились использовать этот указ в своих собственных и иногда отнюдь не благовидных целях и пойдет речь ниже.

Как подложно записаться в мещанство

Любопытный парадокс истории заключается в том, что как только издается указ или закон, о какой бы стране и эпохе мы ни говорили, находятся люди, пытающиеся придумать способы его обойти и, тем самым, обмануть власть. Содержащийся в манифесте 1779 г. пункт о выборе крестьянами своего состояния также послужил основанием для формирования новых стратегий обмана, связанных с получением фальшивых билетов от пограничных командиров.

Согласно постановлениям, билет являлся необходимым пропускным документом, позволяющим возвращенцу из-за рубежа путешествовать до места его будущей регистрации, т.е. до конкретного города или деревни. В нем кратко излагалась история беглого или беглой со всеми необходимыми деталями: указаниями на его/ее происхождение, обстоятельства, побудившие к отъезду за границу, а также обещаниями законопослушного поведения на новом месте жительства в будущем. По прибытии возвращенец должен был отправиться в местный магистрат или канцелярию и официально оформить свою регистрацию¹⁵. Подписи и печати, проставленные на билете пограничными офицерами, удостоверяли его действительность и использовались для выявления подделок. В определенной мере эти билеты были сходны с внутренними паспортами, выдававшимися для проезда к месту работ в XVIII в. (к сожалению, оригиналы фальшивых билетов и других документов не сохранились; в нашем распоряжении имеются только копии следственных дел)¹⁶. Несколько судебных казусов, рассмотренных ниже, наглядно демонстрируют важность таких документов для изменения социального положения их владельцев.

В 1783 г. правитель Новгородского наместничества статский советник Александр Яковлевич Протасов возвращался в Новгород из Валдайского уезда, где он ранее привел в повиновение крестьян графа Петра Андреевича Толстого. Во время поездки он получил прошение от дворян Крестецкой округи, которые жаловались, что «выходящие из Польши» беглые приводят их крепостных «в совершенное к побегу разращение в надежде, что, получа билеты, останутся по записке на всегда вольными». По этой причине многие из крестьян ищут «проводцов» в Польшу, а других эти «проводцы» еще и подговаривают к побегу. Решив разобраться с ситуацией, Протасов отправил отряд местных драгун, который изловил и привел к допросу семь человек с фальшивыми документами. Обо всем этом он незамедлительно отправил донесение в Сенат.

Первый допрошенный, Арефий Алфимов, рассказал следующую историю. В сентябре 1782 г. в дом его помещика пришел беглый крестьянин Яков Матвеев. Сказавшись записанным в полоцкое мещанство, Матвеев

подговорил Алфимова бежать, обещая помочь ему записаться, «куда он пожелает». Арефий согласился и приехал с Яковом в Полоцк, где тот отправился за билетом в походную канцелярию. Он вернулся через пять дней, взял у Алфимова девять рублей и дал ему «куверт», который надо было подать в Ярославскую губернскую канцелярию. Арефий так и сделал, после чего оказался записан в рыбинское мещанство. Однако по какой-то причине он решил приобрести настоящий билет «выходца» и отправился на один из форпостов на польской границе, где, объявив себя возвращающимся из-за польского рубежа, сумел получить надлежащий документ и затем, уже вторично был записан в рыбинское мещанство.

Другой задержанный, Сафон Семенов, добавил к рассказу Алфимова, что тот вместе с рекрутом Федором Прокофьевым пришел к нему и просил провести их в Польшу. Остается неизвестным, помог ли им Семенов. На допросе он только признался, что упомянутый Яков Матвеев, записанный в полоцкое мещанство, промышлял продажей билетов для беглых.

Пойманный беглый солдат Савва Саблин, в самом деле вышедший из-за рубежа, показал, что он также получил билет из Полоцкой походной канцелярии. Там Савва встретил мещанина Никифора Лукьянова, который зачем-то дал ему фальшивую печать со свинцовым гербом, чернила и сургуч «для письма и печатания паспортов». Лукьянов также попросил Саблина передать несколько писем его матери и сестре в Вышний Волочек, куда солдат и направлялся до задержания. Заподозривший неладное статский советник Протасов решил сравнить билет Саблина с письмами, которые тот вез, и выявил сходство в почерке, определив таким образом, что билет фальшивый и написан Лукьяновым. После этого Протасов незамедлительно отправил предупреждения в Полоцкий и другие пограничные магистраты об обмане, учиненном Никифором Лукьяновым и Яковом Матвеевым, и о необходимости удостовериться, что выходящие из Польши крестьяне действительно жили за рубежом¹⁷. Для этого белорусский генерал-губернатор Петр Пассек предложил предоставить в магистраты список подписей пограничных командиров, чтобы можно было сверять аутентичность предоставленных билетов¹⁸. Новгородское наместническоеправление сравнило печать, изъятую у Саблина, с оттиском на письме Арефия Алфимова и определило их сходство¹⁹. Тем временем в Полоцке поймали Лукьянова, который сознался во всем, кроме передачи чернил, печати и сургуча для написания паспортов. Потому вместо смертной казни ему предписали в наказание пятнадцать ударов кнутом, публичное вырезание ноздрей и ссылку на работы на Днепровской линии²⁰.

Очевидно, что недавно присоединенная в результате первого раздела Польши (1775 г.) Полоцкая губерния была особенно привлекательна для людей, мечтавших изменить свое состояние. В июне 1783 г. два дворовых человека, Иван Степанов и Федор Фирсов, отправились в Полоцк, покинув своих помещиков, которые в то время находились в Новгороде. Прибыв, они явились в местную полицию, где прапорщик спросил у них о наличии пограничных билетов. Поскольку таковых ни у Степанова, ни у Фирсова не имелось, он велел им прийти на следующее утро. Когда они вновь явились к прапорщику, тот взял с них пятьдесят копеек и отправил в губернскую канцелярию. Там Степанов и Фирсов вручили еще двадцать

копеек канцеляристу и три рубля протоколисту и показали, что, бежав от господ своих, жили в Польше. Получив билеты для записи в московское мещанство, Степанов и Фирсов направились было в свою квартиру за платьем. Однако, как только они вышли на улицу, Степанов оказался схвачен людьми его помещика, которому его затем и возвратили. Фирсов же сумел скрыться, и, как отмечалось в деле, оставалось неизвестным, что с ним стало²¹.

Насколько мы можем понять из рассмотренных выше случаев, в Полоцке явно существовала отработанная схема выдачи подложных билетов, осуществлявшая местными нижними чинами и даже поддерживаемая полицией²². Основные фигуранты этого дела – Степанов, Алфимов и Саблин – хорошо осознавали значение екатерининских манифестов о беглых, выходящих из-за рубежа, и решили ими воспользоваться для изменения своего социального статуса. Понимая, что для записи в мещанство было необходимо получить билеты выходцев, они ухитрились придумать различные способы их приобретения, но, в конце концов, дело закончилось для них неудачно.

Впрочем, екатерининские манифесты предоставляли возможности для обмана людям, проживавшим не только в западных губерниях, но и в более отдаленных областях государства, например, в Поволжье. В мае 1785 г. князь Михаил Михайлович Голицын подал прошение в Пермское наместническое правление о беглом крестьянине Прокопии Константинове, заявлявшем о принадлежности к саратовскому мещанству. Бежал он в 1776 г. из Верхнего Чусовского городка, оставив жену и детей, а ныне просил о записи в мещанство на основании манифестов о выходящих беглых из-за рубежа от 5 мая 1779 г., 27 апреля 1780 г. и 7 августа 1782 г. Узнал об этом Голицын от своего поверенного Тарасова, который совершенно случайно встретил Прокопия в остроге города Перми:

На словесной ему Тарасову спрос о себе обявил, что он прислан ис Казанского наместнического правления под именем беглого солдата Прокопья Афонасьева сына Третьякова и в имении фальшивых паспортов, а более оной поверенной Тарасов от него Константина выспросить ничего не мог....

Дела о незаконном изменении состояния имели особую государственную важность и требовали пристального внимания в самых высших инстанциях, и про ситуацию с Константиновым вскоре стало известно Пермскому и Тобольскому генерал-губернатору Евгению Кашкину. Из прошения оставалось неясным, зачем Прокопий называл себя Третьяковым, был ли он в действительности беглым крестьянином или солдатом и почему он заявлял о своей принадлежности к саратовскому мещанству. Самое же удивительное, как Константинов смог воспользоваться екатерининскими манифестами о выходцах из-за рубежа. Кашкин заключил, что для выяснения всех обстоятельств этого дела необходимо собрать дополнительные сведения о беглом, причинах его возможного побега и его жизни за последние десять лет, а также сделать запросы в Саратове и других местах²³.

На допросе Константинов показал, что в 1776 г. он был отправлен своим хозяином работать в должности лоцмана на судне с солью, следовавшем до

Нижнего Новгорода и севшем по пути на мель. За это его наказали батогами и назначили работать на господском заводе в течение трех лет. Однако Порфирий, боясь «истязаний» от заводского приказчика, исчез с имеющимся у него на руках годовым паспортом. Находясь в бегах, он несколько лет работал лоцманом на разных судах и, оказавшись в Саратове, «услыхал, что манифест о ревизии публикован и всяких людей писатца, кто в какой род пожелает, принимают». Константинов отправился в городской магистрат, где был записан в саратовское мещанство. Тем не менее, на допросе он показал о себе правду (по крайней мере, так он утверждал). Жил он в Саратове с 1782 по 1786 г. и никакие подати не платил, т.к., в соответствии с манифестом, получил льготу на шесть лет²⁴.

Константинов ссыпался в данном случае на указ о четвертой ревизии²⁵, но на самом деле имел он в виду манифести о выходцах из-за рубежа²⁶. Можно лишь предполагать, каким образом он ухитрился записаться в саратовское мещанство. Вероятно, он подкупил некое официальное лицо, или же в Саратове настолько нуждались в людях, что решили его записать без соответствующих документов, поверив в его собственную интерпретацию манифестов. Дальнейшая история его побега напоминает настоящий детектив:

В 786 году же, взяв от городового магистрата на годичное время указной пашпорт, [он] нанялся на судно в завозные кормщики плыть вверх по Волге реке до Казани у астраханского купца Атремья Яковлева Башкина и уплыл до Казани, где, увидав господина ево прикащик Дмитрий Мельников, признал, что он, Костентинов, беглой. Начел хватати с намерением отвесть в управу благочиния и отправить к господину ево. Однако от него скрылся, уехал в город Чистое Поле, но по наведыванию ево, Мельникова, послан был от него нарочной князя Бориса Григорьевича Шаховского служитель Иван Бирюков, которой по приезде в Чистое Поле и в протчие жительства подавал явки о поимке ево, Костентинова, а потому, будучи он, Костентинов, в селе в Урке Лайшевской округи крестьянами пойман, где, убегая крестьянских побои, и сказался им салдатом беглым. А наконец представлен ими в город Лайшев к городничему, и по допросам показал также салдат беглой Екатеринбургской горной роты Прокопием Афанасьевым сыном Третьяковым по притчине той, что того салдата знал. От него же, городничего, отослан в город Казань в наместнические правление, а из оного в воинской криз-рикт (кригсрехт – А.Г.), в котором на том же допросе утвердился и отослан в здешнее правление. В бытность ево побега фальшивых пашпартов и билетов не имел, а только имел от караванных пропуски, и с теми нигде не удерживан и за беглого признан не был, а последней данной пашпорт от Саратовского городового магистрата при поимке в селе Урке каким образом потерял или кто взял и с имеющимися при нем денгами и екипажем с сумкою не знает, в которой и пашпорт лежал, по притчине той, что был пьян...²⁷.

В дополнение к допросу вскоре пришел ответ из Екатеринбургской горной роты, указывавший, что солдата по имени Прокопий Третьяков там никогда не числилось, а имелся только Максим Третьяков, умерший в 1760 г. Более того, Пермский верхний земской суд объявил, что он проинформировал Саратовский магистрат о том, что Прокопий Константинов был беглым крестьянином князя Голицына, но никакого ответа и разъяснения пока не получил. На этом следствие застопорилось, и начался бюрократический круговорот. Разные канцелярии безрезультатно отправляли друг другу запросы и требования в течение нескольких лет²⁸. Дело закончилось лишь в феврале 1790 г. после получения донесения из Пермской управы благочиния, где некоторое время содержался Константинов. «По неимению пропитания» крестьянин был отослан в рабочий дом, откуда неизвестно куда сбежал²⁹.

Безуспешное следствие по данному делу заняло почти пять лет, но канцеляриям так и не удалось получить ответ на самый главный вопрос – как Прокопий Константинов сумел воспользоваться екатерининскими амнистиями для записи в саратовское мещанство. Вероятнее всего, он солгал во время допроса, а городские власти были не заинтересованы в проверке достоверности его показаний. В то же время этот случай – как и другие рассмотренные выше – демонстрирует не только понимание нашим героем возможностей, предоставляемых манифестами, но и умение посредством обмана использовать законодательные акты для собственной выгоды.

От частного мошенничества к народному бунту

В отличие от индивидуальных случаев обмана, волнения, охватившие северные уезды России в 1780 г., оказались намного масштабнее и потребовали более решительного вмешательства губернских властей и Сената³⁰. Бунт затронул некоторые деревни и погосты Краснохолмского уезда Тверской губернии, а также Новоладожский, Тихвинский и Белозерский уезды Новгородского наместничества³¹.

Общие статистические показатели по губерниям рисуют следующую картину. В Тверской губернии преимущественно преобладали крепостные – 275 тыс. душ мужского пола, или 59% по отношению ко всему населению, а в Новгородском наместничестве – 145 тыс. душ мужского пола, или 50%. Остальную часть населения составляли экономические (26% и 32%) и дворцовые крестьяне (5,3% и 7,6%); количество государственных крестьян было невелико – по 0,5% в Тверской губернии и Новгородском наместничестве³². В бунте приняли участие именно помещичьи крепостные.

Их положение было намного сложнее, чем у государственных или дворцовых крестьян, т.к. они должны были платить налоги государству и отрабатывать другие повинности, наложенные на них помещиками. Более того, они были подвержены личному произволу и причудам своих хозяев, выдумывавших новые повинности и наказания. Безусловно, другие категории крестьян также могли оказаться жертвами злоупотреблений со стороны деревенских властей, но в меньшей степени, поэтому существование в статусе государственных и дворцовых представлялось более стабильным

и благоприятным. Видимо поэтому эти категории крестьян Новгородской и Тверской губернии не поддержали своих крепостных собратьев, хотя среди легальных возвращенцев из Польши и Швеции были также беглые с дворцовых и государственных вотчин.

В течение всего XVIII в. различные правительственные указы все более и более ограничивали легальные пути социальной мобильности, ставшей практически невозможной в последней четверти столетия. Только отпущеные на волю крепостные могли свободно записаться в государственные или дворцовые деревни и в посады³³. В соответствии с указом 1762 г. Петра III, другие категории сельских обывателей имели право зарегистрироваться в иных местах, но только при наличии отпускного письма от их официальных владельцев, будь то государство, царь или помещик. Более того, они должны были продолжать платить налоги по месту прошлой регистрации до следующей ревизии, т.е. до 1782 г.³⁴ Однако такие препятствия отпугивали не всех крестьян, и в конце XVIII – первой половине XIX в. в их среде все же встречались случаи законного изменения состояния³⁵. Екатерининские билеты воплощали в себе для этой категории населения уникальную возможность порвать с прошлым и обрести иной социальный статус, что обычно бывало доступно только отпущенными на волю. Неудивительно, что многие помещичьи крестьяне решили ей воспользоваться во время бунта в Новгородской и Тверской губерниях.

Двадцать третьего августа 1780 г. Правительствующий Сенат получил сообщение из Новгородского наместнического правления, в котором несколько помещиков и сотских изложили следующие факты:

Того июля в разные числа крепостные их крестьяне, жительствующие в означенном Ярославском и Пиркинском погостах всего душ до восемидесят и более из домов своих бежали; некоторые из них, возвратясь з данными на шведской границе от фарпостных афицеров билетами, объявили себя вольными, и тем вышли ис послушания и от податей помещичьих и казенных плат отреклись.

Для расследования ситуации в деревню Шеселгу был отправлен исправник Белеутов с командой из двадцати восьми человек и священником. Приехав в погост, они зачитали взбунтовавшимся указы о беглых, в том числе и манифест от 27 апреля 1780 г. Крестьяне в ответ заявили, что восстали они из-за их господ «несносны побои», и пригрозили исправнику ссорой и дракой, если он к ним еще явится. Затем священник был отправлен повторно вместе с подканцеляристом и крестьянами в Шеселгу, но на подъезде в деревне они встретили государственного крестьянина Никиту Никитина, который рассказал о засеках, устроенных бунтовщиками, и их намерении убить священника и всех его сопровождающих. Исправник Белеутов предложил поступить с восставшими как с неприятелем в соответствии с воинскими указами, но наместническое правление решило пока воздержаться от крайних мер и продолжить переговоры³⁶.

Вскоре Сенат получил еще одно донесение, но теперь о крестьянах Тихвинского уезда, принадлежавших разным помещикам. Шестьдесят пять человек бежали через город Олонец на шведскую границу, где получили

билеты на седьмой заставе от некоего подпоручика Паландера, желая записаться в государственные крестьяне. Нескольких из них удалось поймать. Бежавший из деревни Корвалы Афанасий Макарьев на допросе показал, что 8 июля он отправился на шведскую границу, где от Паландера исходатайствовал себе и своей жене, которая с ним тогда не присутствовала, два билета за пятьдесят копеек. Записаться он хотел в государственную вотчину при Тихвинской расправе. Второй допрошенный, Ефим Тимофеев, также предоставил присланный ему от отца билет, купленный у того же подпоручика. Более того, Тимофеев сам добрался до границы и получил от Паландера заочно 18 билетов на жену, детей и внучат своих³⁷.

Третье донесение Сенат получил о ситуации в Белозерском уезде, где из деревни Степаново бежали все крестьяне, забрав с собой свои пожитки. То же самое произошло в некоторых вотчинах Заозерского и Суцкого станов. Крепостные взбунтовались, выдавая себя за выходцев из-за границы, и отправили по несколько человек от разных вотчин в город Вытегру для «подложной записи» в мещане. Посланые для проверки ситуации подполковник Бровцын и поручик Лесков сначала прибыли в деревню Киино Кунской волости, где никого не обнаружили, а затем поехали в деревню Нестерову,

до коей недопустя, выбежав на встречу многолюдством тех деревень крестьяне с оружием, косами, дублем, рогатинам, топорами, начали по них из ружей стрелять, а понятых людей бить. Причем на подпоручике Петре Шепыреве простреляно платье, от какового нападения принуждены были бежать в разные стороны, а канцеляриста Илью Приживина, з делами захватя, взяв к себе, куда девали неизвестно, объявляя при том, что никому до них дела нет, браня ево исправника [Бровцына]...

Для усмирения бунтующих была выслана команда, состоявшая из одного капрала и четырех солдат с ружьями. Им велели заручиться поддержкой крестьян из других вотчин, которые еще не восстали. Однако оказалось, что солдаты были старыми, а государственные крестьяне отказались им помочь, не желая ввязываться в конфликт. Более того, бунтовщики подговаривали их отправиться на границу за билетами и записываться в государственные деревни. Помимо этого, выяснилось, что одной помещичьей крестьянке, Татьяне Александровой, уже удалось записаться через Вытегорский нижний земской суд в государственную деревню Таруевскую Оштинского погоста. В Новгородском наместническом правлении постановили, что необходимо женщину выписать и вернуть на прежнее место жительства, а подходы к шведской границе с русской стороны охранять, чтобы пресечь дальнейшее получение билетов от Паландера³⁸.

В начале осени 1780 г. появились данные о примерном количестве бунтующих в Белозерском уезде, достигавшем почти 4 тысяч человек³⁹, а с другими уездами, вероятно, и нескольких десятков тысяч. Удивительно, что, несмотря на большой размах волнений, Новгородское наместническое правление и Сенат для продолжения «вразумления» крестьян определили воинскую команду, состоявшую всего лишь из обер-офицера, 30 солдат и священника, о чём и сообщили императрице⁴⁰.

Затем внимание Сената привлекла личность самого подпоручика Паландера. Полное имя его неизвестно. В ходе допроса выяснилось, что он был 37-летним лютеранином «из пасторских», скорее всего, финского или шведского происхождения. Он поступил на службу в 1764 г. и участвовал во взятии крепости Хотин во время Русско-Турецкой войны 1768–1774 гг.⁴¹ Согласно петровской Табели о Рангах, звание подпоручика в пехоте имело 13 ранг и являлось обер-офицерским чином, следовательно, Паландер имел дворянское звание, скорее всего полученное за службу. Из справки, присланной из Олонецкой губернской канцелярии, выяснилось, что Паландер с командой из одного сержанта и десяти рядовых числился в службе на седьмой заставе, находившейся в деревне Пертипоги Рускеальского погоста на шведской границе. Его основной задачей являлось пресечение вывоза за рубеж серебряных слитков, посуды, монет и других мелких денег⁴². Это обусловливалось тем, что в России второй половины XVIII в. производилось мало серебра, а потому государство было заинтересовано в сохранении драгоценного металла в стране⁴³. После издания екатерининских манифестов о возвращении беглых из Польши Паландеру также поручили отпуск билетов, и за период с 8 апреля по 1 августа 1780 г. он подписал 503 документа беглым мужского и 83 женского пола⁴⁴.

Обвиненный в мошенничестве, неправильной выдаче и продаже билетов крепостным крестьянам, а вовсе не возвращенцам, Паландер был арестован, и на его место назначили поручика Тархова. В присланной ему инструкции предписывалось следить за проходом беглых и отправлять их в Олонец или Петрозаводск для дополнительной проверки⁴⁵. В то же время из Выборгской губернской канцелярии направили заседателя магистрата Максима Чусова для расследования. Чусов прибыл на пограничную заставу в Саминском погосте, где поинтересовался о Паландере у служащего там сержанта. Тот подтвердил, что многие крестьяне идут из России на заставу подпоручика и затем оттуда возвращаются с билетами. Он же пропускает их к Паландеру потому, «что де о непропуске таковых не имеет приказу». Кроме того, Чусов выяснил, что многие крестьяне с билетами отправляются сразу в Олонецкий городовой магистрат для записи в мещанство, где на тот момент находилось 13 человек:

В допросах же в сей губернской канцелярии явившиеся во оную сего сентября 9го дня с билетами, данными от подпоручика Паландера, показывающие себя вышедшими из за шведской границы российский подданный разных уездов крестьяня тринадцать человек, желающие записаться для жительства в местечке Сердоболь и вокруг оного, объявили, а именно: Василий Павлов, Матвей Максимов, Андрей Емельянов, Самойла Сергеев и Петр Вахрамеев, что они команды Паландеровой сержантю Полетаеву при получении билетов, за бумагу платили по пяти копеек каждой, Иван Анофриев ему же сержантю дал десять, а Прохор Макаров восемь копеек, Марка и Корнила Ларионовы оному же Полетаеву давали по тринадцати по пяти копеек каждой добровольно, а Иван

Алексеев Суриков, Сидор Алексеев, Иван Алексеев Варвулин и Федот Петров за данные им билеты ничего не дали, хотя с них и требовало было⁴⁶.

На седьмой заставе существовала схема по получению билетов за деньги, в центре которой находился подпоручик Паландер. Манифест 5 мая 1779 г. не устанавливал никакой платы за получение документов для возвращения в Россию, поэтому даже добровольные предложения денег ему не следовало принимать. Об этой ситуации Сенат представил записку Екатерине II, предлагая выдавать более подробные инструкции офицерам, служащим на границах, т.к. основной проблемой являлось недопонимание ими своих непосредственных обязанностей. Однако императрица приказала полностью уничтожить седьмую заставу, что и было сделано в ноябре 1780 г.⁴⁷

Шестого ноября подпоручика Паландера и сержанта Полетаева, который служил вместе с ним, доставили в Новгородское наместническое правление для проведения над ними военного суда, однако по разным причинам следствие долгое время не могло начаться. Сначала никак не находился гражданский аудитор, который должен был заниматься составлением обвинения⁴⁸. Затем выяснилось, что люди, необходимые для дачи показаний против Паландера, так и не были вызваны, хотя наступило уже 10 апреля⁴⁹. То, что следствие длилось – или не производилось – более пяти месяцев, не соответствовало Генеральному Регламенту Петра I, по которому максимальный срок для решения подобных дел не мог превышать одного месяца⁵⁰. Двадцать шестого мая 1781 г. Сенат направил требование в Новгородское наместническое правление о срочном рассмотрении дела, которое вскоре все же началось⁵¹. На все обвинения Паландер в свою защиту ответил:

Которые, приходя, объявляют о себе, что оне вышли из заграницы, почему и даваны билеты, с которыми от него Паландера в надлежащих присудственных местах явится велено; а подлинно ль они вышли из заграницы или ныне от помещиков своих бежали, неизвестно, которых ему о том и допрашивать невелено...

Ведомости об отпуске билетов он отправлял в Выборгскую губернскую канцелярию в соответствии с данной ему инструкцией. Всего он выдал 1267 билетов за период с 8 апреля по 8 сентября 1780 г. Он лично не требовал с крестьян никакой мзды за документы, но они давали ему добровольно примерно по 25 копеек за каждый, и эти деньги Паландер тратил на покупку бумаги и чернил. Оставшееся он делил с сержантом поровну⁵².

При анализе данного архивного дела исследователю становится очевидно, что Паландер занимался откровенным мошенничеством, продавая билеты беглым крестьянам. Учитывая только официальные ведомости о количестве выданных билетов, его примерный «заработка» составил около 317 рублей, что в то время считалось весьма солидной суммой. Хотя в свою защиту Паландер ссыпался на отсутствие четких инструкций и, следовательно, на незнание о совершенном нарушении, допросы крепостных и, конечно, разразившийся бунт сыграли против него.

После изложения имеющихся свидетельств крестьян и сведений, собранных Максимом Чусовым, суд перешел к показаниям сержанта Полетаева, которые и поставили точку в этом деле:

Разного звания беглые российские люди на оную заставу для получения о проходе до присудственных мест и о записке в казенное ведомство билетов приходили по одному, по два, по двадцат человек и более, которых дни через два и через три собирались человек ста по полтора, и некоторые о себе объявляли, что они выходцы из за швецкой границы, а другие якобы также были за швецкой границей и, возвратясь из за оной, шатаются уже праздно, а притом многие сказывали, что заграницею совсем не были, по збее в разные времена от помещиков шатаются в России и пришли только для получения билетов, каковыя им по прозбе... даваны и во оных по прозбе ж их писаны были⁵³.

Полетаев также заметил, что они поясняли значение манифеста всем пришедшим беглым крестьянам, кроме записанных заочно, и что манифестами могли воспользоваться только бежавшие до их опубликования. Сержант сознался в выдаче билетов всем «генерально», но уточнил, что делали они это «ни с какого умыслу, а по одной простоте»⁵⁴. В Новгородском кригсрехте признали Паландера и Полетаева виновными в выдаче подложных билетов и указали, что они скрыли истинное количество выданных пропусков, т.к. еще 1067 билетов не доставало в канцеляриях, и, значит, они были розданы Паландером. Главным же обвинением стало то, что выдачей подложных билетов подпоручик привел крестьян к возмущению против своих помещиков. В соответствии с Воинским артикулом и другими указами, Полетаеву и Паландеру грозила смертная казнь, но они оба являлись дворянами, а потому окончательное решение должно было быть принято императрицей. Вместо казни Екатерина приговорила их к лишению чинов и ссылке в крепостную работу на пять лет⁵⁵. В определенном смысле, лишение дворянского чина и крепостная работа являлись более суровой мерой, чем смертная казнь⁵⁶. С точки зрения представителей власти, подпоручик обесчестил себя этим поступком, несоответствующим его благородному состоянию⁵⁷. То, что Паландер был всего лишь обер-офицером из малоизвестной иноземной семьи, скорее всего, сказалось на решении перевести его в крепостное положение.

В деле о мошенничестве Паландера хорошо просматриваются различные стороны работы российской судебной системы последней четверти XVIII в. Волокита была свойственна даже для таких, особо важных дел, а окончательные решения по ним принимались часто только после обращения к монарху.

Пока шло разбирательство дела Паландера, события в Новгородском наместничестве продолжали развиваться. Очередное донесение пришло в Сенат из Тихвинского уезда, где крестьяне деревни Пешнево забивали и солили свою скотину, готовясь к уходу в Шлиссельбургское мещанство и на фабрики, куда они ранее записались. Когда же солдаты Новгородского

пехотного полка начали их уговаривать оставаться, новоявленные «мятежники» стали угрожать им ружьями и рогатинами, обещая никого живым из деревни не выпустить. Затем около 30 крестьян запрягли телеги и отправились в Шлиссельбургский магистрат, в то время как остальные человек 500 «пришли в непослушание»⁵⁸. Правительственная команда не решилась пойти на столкновение с бунтовщиками, которые считали себе «государевыми людьми», а свои билеты настоящими и ждали «вторичного решительного указа»⁵⁹. Но, очевидно, так его и не дождались.

В октябре 1780 г. генерал-губернатор Сиверс доложил о восставших крестьянах помещика Петра Тютчева Краснохолмского уезда, жену которого они так напугали, что она была вынуждена уехать в город. Крепостные с общего согласия отправили трех представителей в Санкт-Петербург к императрице, чтобы та подтвердила легальность их нового статуса государственных крестьян. Для их успокоения Сиверс предложил выслать воинский отряд из ста человек с пушками и арестовать всех заслуженных⁶⁰. Он был особенно обеспокоен возможной ситуацией, т.к. совсем недавно, в 1778 г., волнения около 3000 крестьян вспыхнули на вотчинах Михаила Апраксина в Порховском уезде Псковской губернии. По предложению Сиверса там были расквартированы войска, но добиться порядка удалось только к началу 1780 г.⁶¹

В этот раз Сенат вновь прислушался к мнению Сиверса. Воинская команда была введена в Белозерский уезд, и уже в октябре 1780 г. крестьяне пришли в повиновение и отдали имеющиеся у них 29 билетов на 380 человек. Главный заслуженный, Степан Сидоров, который безуспешно ходил в Санкт-Петербург, был арестован⁶². При приближении воинской команды крестьяне Краснохолмского уезда разбежались, а на утро стали являться к своему помещику Петру Тютчеву, заявляя, что

они сие против господина своего ослушание зделали по совершенной глупости, а более от разглашения посыпанного от господина их в Белозерскую ево вотчину крестьянина, что бутто бы все ... у помещиков крестьяне от них отняты и описаны на Ея Императорское Величество⁶³.

Некоторые крестьяне, записавшиеся по подложным билетам, были пойманы. Так, семерых человек обнаружили в Шлиссельбурге и возвратили в кандалах в их деревни. Пять беглых крепостных значились в Петербурге, но неизвестно, оказались ли они изловлены. Существует, однако, вероятность, что определенное количество крестьян смогло воспользоваться билетами и изменить свое состояние, т.к. в донесении Сенату от 15 января 1782 г. 1067 билетов все еще числились ненайденными⁶⁴.

Заключение

Оценивая события в Новгородской и Тверской губерниях, можно только поразиться их быстротечности. Бунт длился менее года и завершился практически без столкновений между крестьянами и войсками. Восставшие

крепостные были уверены в своем правильном понимании екатерининских амнистий и отказывались общаться с представителями власти, веря в возможность получения воли. Они также отправили своих представителей в Санкт-Петербург для личной встречи с императрицей. Согласно традиционной интерпретации, подобное поведение является ничем иным, как проявлением «наивного монархизма», веры в справедливого царя, пекущегося о благополучии всех своих подданных и окруженного лицемерными чиновниками⁶⁵. Поэтому только личное вмешательство Екатерины могло обеспечить свободу крепостным. Не отрицая значимость данной интерпретации, следует отметить, что ее недостаток заключается в том, что она обобщает все случившиеся крестьянские выступления и не обращает внимания на время и контекст, отличающие их друг от друга. Поэтому только с помощью детального сравнения причин и развития разных столкновений между крестьянами и властью можно определить являлись ли они в действительности восстаниями, бунтами или обычными конфликтными ситуациями.

В нашем случае именно решение поручика Паландера выдавать билеты стало основной причиной развернувшегося столкновения между государством и крепостными. С точки зрения власти, он промышлял мошенничеством и был определенно виновен. С другой стороны, Паландер вряд ли мог предполагать, что его действия приведут к волнению крестьян, и, скорее всего, продавал билеты лишь для дополнительного заработка, не думая о последствиях. В любом случае, изучение его следственного дела позволило нам обратить взгляд на судьбу рядового офицера и на малоизученные вопросы пограничной жизни имперской России.

Казусы с использованием фальшивых и подложных билетов являются примерами того, как обычные люди интерпретировали и использовали с выгодой для себя законодательные инициативы, нацеленные на решение совершенно иных государственных задач. Именно на этот аспект «действия снизу» стоит обратить внимание не только для понимания взаимоотношений между властью и крестьянами, но и для осознания путей неготиации и улучшения низами своего социального и экономического положения в рамках господствующего режима⁶⁶. Для крепостных Новгородской и Тверской губерний массовый обман стал выражением их понимания законности свободы, предоставляемой билетами, желания социальной мобильности и лучшей жизни. Для них переход в статус государственных крестьян или мещан означал освобождение от помещиков, хотя в действительности закреплял их за государственными сословиями, в которых они могли оказаться подвержены произволу местных городских и деревенских властей. Но возможность даже этого незначительного улучшения положения являлась важной для восставших крестьян и подтолкнула их к отстаиванию своих прав и противостоянию, несмотря на низкую вероятность успеха. Когда же стало ясно, что законности в их действиях не было, они покорно вернулись к помещикам и продолжили на них работать.

Государственная власть реагировала сдержанно и неторопливо на данное проявление открытого неповиновения, понимая сложность ситуации и стремясь исключить вооруженные столкновения. Новгородское наместническое правление и Сенат действовали последовательно через увещевания

и разъяснение сути указов. Решение о вводе войск в восставшие деревни было принято только тогда, когда стало ясно, что никаким другим способом успокоить крестьян уже невозможно, но и этот шаг обошелся без открытых вооруженных столкновений. В подобных ситуациях проявлялась, как кажется, просвещенная политика Екатерины II относительно населения России. Ценность сельских обывателей была для нее очевидной, поэтому она стремилась не только привлечь беглых из-за рубежа, но также умиротворить крестьян, проживавших в России.

¹ Я выражаю глубокую благодарность О.Е. Кошлевой и О.И. Тогоевой за советы и предложения по улучшению текста данной статьи.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 308. Оп. 2. Д. 198. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 196. Л. 1.

⁴ В дальнейшем их судьбы сложились по-разному. Мешалину удалось записаться в мещанство; решение по делу Ильиной, видимо, так и не было принято.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1-е издание. СПб., 1830. Т. 20. № 14870 (5 мая 1779 г.).

⁶ Значение манифеста 5 мая 1779 г., как и других амнистий, опубликованных во второй половине XVIII – первой половине XIX в., рассмотрено в: Smith A.K. The Freedom to Choose a Way of Life: Fugitives, Borders, and Imperial Amnesties in Russia // Journal of Modern History. 2011. Vol. 83. № 2. P. 243–271.

⁷ В 1723 г. Петр I приказал установить на русско-польской границе форпосты, служащие на которых солдаты должны были ловить беглых, наказывать их плетью и возвращать на прежние места проживания. Елизавета Петровна в 1734 г. опубликовала указ о том, что все бежавшие за рубеж русские люди прощались, и разрешала им вернуться на прежние места проживания без наказания. В дальнейшем указы продолжали развивать эти два подхода к решению проблемы побегов, чередуя наказания и амнистии для бежавших за рубеж. Некоторые из указов см.: ПСЗ. Т. 7. № 4273 (26 июня 1723 г.); Т. 9. № 6586 (11 июня 1734 г.); Т. 11. № 7260 (23 мая 1737 г.); Т. 14. № 10215 (29 апреля 1754 г.).

⁸ См.: Фирсов Н.Н. Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в комиссии для составления проекта Нового Уложения (1767 г.). Казань, 1890. Роберт Джонс также полагает, что проблема побегов русских крестьян и других людей за рубеж повлияла на решение Екатерины о разделах Польши: Jones R.E. Runaway Peasants and Russian Motives for the Partitions of Poland // Imperial Russian Foreign Policy / Ed. by H. Ragsdale. N.Y., 1993. P. 103–18.

⁹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1903. С. 395.

¹⁰ Указ от 11 июля 1744 г. (отсутствует в ПСЗ) призывал всех великороссийских и малороссийских людей вернуться в Россию и поселиться на землях за Днепром. Он впервые не требовал возвращения беглых их помещикам и на прежние места проживания: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 49.

¹¹ Там же. Л. 55.

¹² Там же. Л. 63.

¹³ Здесь Екатерина II ссылалась на пункт о взаимной выдаче беглых, включенный в трактат о Вечном мире между Россией и Речью Посполитою (1686 г.) и в Валиесарский мирный договор со Швецией (1658 г.), а также на многочисленные требования о возврате крестьян, предъявленные обоим государствам в течение XVIII в.

¹⁴ ПСЗ. Т. 20. № 14870 (5 мая 1779 г.). В дальнейшем этот манифест продлевался дважды в 1780 и 1782 гг.: ПСЗ. Т. 20. № 15006 (27 апреля 1780 г.); Т. 21. № 15488 (7 августа 1782 г.).

¹⁵ Smith A.K. Op. cit. P. 252–253.

¹⁶ О истории паспортов в России см.: Чернуха В.Г. Паспорт в России, 1719–1917. СПб., 2007; Franklin S. Printing and Social Control in Russia 1: Passports // Russian History. 2010. Vol. 37. № 3. P. 208–37. О фальшивых внутренних паспортах XVIII в. см.: Кошевова О.Е. «Без пашпорта и с воровскими пашпорты», или Можно ли обмануть государственный контроль? // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения. Коллективная монография / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошевовой. М., 2016. С. 323–348.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 381. Л. 1–2 об.

¹⁸ Там же. Л. 14–15.

¹⁹ Там же. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Л. 25. Днепровская линия – цепь фортификационных сооружений, построенных в Приазовье во второй половине XVIII в.

²¹ Там же. Л. 20–20 об.

²² Эта ситуация была отнюдь не уникальной. В других архивных делах часто фигурируют канцеляристы и подканцеляристы, занимавшиеся подделкой документов. Например, см.: РГАДА. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 136.

²³ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–3 об.

²⁴ Там же. Л. 7–8.

- ²⁵ В XVIII и XIX вв. ревизиями называли переписи всего податного населения Российской империи, проводившиеся примерно каждые 15–20 лет. Четвертая ревизия проходила в 1781–1782 гг. См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII в. – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
- ²⁶ Указ о четвертой ревизии: ПСЗ. Т. 21. № 15278 (16 ноября 1781 г.). Также возможно, что в Саратовском магистрате предложили собственное толкование 11 пункта этого указа: «Об отпущеных на волю людях, следя узаконению Нашему, в пользу их изданному в 46-й статье Манифеста Нашего Марта от 17 дня 1775 г., дозволяющему вступать им по желанию в службу, или в мещанско и купеческое состояние по городам, при сей ревизии наблюдать, чтоб перепись тех людей не иначе, как на основании помянутаго Манифеста, по их желаниям учинена была». Манифест 1775 г. был издан по случаю заключения мирного договора с Османской империей, в нем давалось прощение беглым, вернувшимся на свои официальные места прикрепления, и требовалось от всех крестьян с отпускными выбрать род службы, вступить в мещанство или купечество: ПСЗ. Т. 20. № 14275 (17 марта 1775 г.).
- ²⁷ ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 8–8 об.
- ²⁸ Там же. Л. 9, 13–15, 26–32.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ Впервые этот бунт упоминается в статье: Рубинштейн Н.Л. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII века // Исторические записки. 1952. № 40. С. 151–152.
- ³¹ Новгородское наместничество было образовано в 1776 г. В 1781 г. Новоладожский уезд был включен в состав Санкт-Петербургской губернии.
- ³² Кабузан В.М. Указ. соч. С. 95–97.
- ³³ ПСЗ. Т. 20. № 14275 (17 марта 1775 г.).
- ³⁴ ПСЗ. Т. 15. № 11426 (31 января 1762 г.).
- ³⁵ См.: Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. N.Y., 2014.
- ³⁶ Полное название дела – «О бунте помещичьих крестьян Новоладожского и Тихвинского уездов, о наказании поручика Паландера и сержанта Полетаева и о пограничных заставах»: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 331. Л. 1–2 об.
- ³⁷ Там же. Л. 8–8 об.
- ³⁸ Там же. Л. 10–15.
- ³⁹ Там же. Л. 20.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17, 29–29 об., 33.
- ⁴¹ Там же. Л. 145.
- ⁴² Там же. Л. 38 об.
- ⁴³ С нехваткой серебра было связано введение в оборот ассигнаций в 1769 г.: Ассигнации // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 2. 1890. С. 315–321.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 331. Л. 38 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 35, 40–42.
- ⁴⁶ Там же. Л. 36–38.
- ⁴⁷ Там же. Л. 52–53, 65.
- ⁴⁸ В XVIII в. аудиторы занимались военным делопроизводством и во время следствий часто исполняли обязанности прокурора.
- ⁴⁹ Там же. Л. 115–116 об.
- ⁵⁰ ПСЗ. Т. 6. № 3534 (28 февраля 1720 г.).
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 331. Л. 123 об.
- ⁵² Там же. Л. 139–139 об., 141 об.
- ⁵³ Там же. Л. 142 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 143.
- ⁵⁵ Там же. Л. 145–149 об., 159.
- ⁵⁶ В делах о лишении чина и сословия Екатерина следовала указам, опубликованным еще во времена Петра Великого, хотя и проявляла больше милосердия. Согласно Воинскому уставу 1716 г., наказанием за «тяжелое чести нарушение» было вывешивание имени преступника на виселице, шельмование и преломление шпаги, потому что такой преступник «из числа добрых людей и верных извергнут» должен быть: ПСЗ. Т. 5. № 3006 (30 марта 1716 г.). С. 410.
- ⁵⁷ Подобный случай имел место в 1772 г. В деле о фальшивых ассигнациях, в котором фигурировали коллежский советник Михаил Пушкин и его брат Сергей. Императрица приговорила виновных к лишению дворянства и чинов и указала «вывезти на эшафт и переломить над головами их шпаги, а потом сослать» в Сибирь: ПСЗ. Т. 19. № 13890. С. 604–605.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 331. Л. 69–69 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 75.
- ⁶⁰ Там же. Л. 81.
- ⁶¹ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 148–151.
- ⁶² РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 331. Л. 91, 96.
- ⁶³ Там же. Л. 99–99 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 99 об., 98, 149.
- ⁶⁵ Подробное изложение концепции наивного монархизма см. в: Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 1–29.
- ⁶⁶ Аналитические подходы, разработанные в недавних исследованиях в областях антропологии и *Subaltern Studies*, представляются более перспективным для понимания этих событий. Изучая динамику взаимоотношений между властью и низшими социальными группами (*subalterns*), такими как крестьянство, рабочие и т.д., исследователи разработали концепцию «неготиаций», указывающей на практическую неосуществимость для «низов» с помощью сопротивления изменить существующую социальную или политическую систему. Однако «низы» имели возможность достичь некоторого улучшения своего положения в рамках господствующей системы. См.: Scott J.S. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven; L., 1985; Chandra U. Rethinking Subaltern Resistance // Journal of Contemporary Asia. 2015. Vol. 45. № 4. P. 563–573.